

Оригинальная статья

УДК 316.1:343.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26

От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии

Комлев Юрий Юрьевич

Казанский юридический институт МВД России
(Казань, Россия)
levkom@list.ru

Аннотация

В статье раскрыты основные этапы и специфика социально-технологических перемен в мире и России начала XXI века. Показано, что цифровизация и сетевизация — фундаментальные измерения социума эпохи постмодерна. Выделены основные проявления преступности и девиантности в киберпространстве. Показано, что на современном этапе пользователи интернета, социальных сетей и цифровых платежных систем — основные жертвы пандемии киберпреступности. Исследования киберпреступности и других проявлений девиантности следует проводить с опорой на гибридизацию социологических, технологических и других знаний. Предложено использовать в интернет-исследованиях методологическую триангуляцию эмпирических методов в сочетании с вычислительными алгоритмами и аналитикой «big data». Сделан вывод, что сложились онтологические и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности.

Ключевые слова

цифровизация, сетевизация, постмодерн, цифровое общество, киберпреступность, кибердевиантность, интегративный подход, методологическая триангуляция, цифровая социология, цифровая криминология, цифровая девиантология

Для цитирования: Комлев, Ю. Ю. (2022). От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 17–26. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26.

Original paper

Yuri Yu. Komlev

Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (Kazan, Russia)
levkom@list.ru

From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology

Abstract

The article reveals the main stages and specificity of socio-technological changes in the world and in Russia at the beginning of the XXI century. It is shown that digitalization and networkization are fundamental dimensions of society in the postmodern era. The main manifestations of crime and deviance in cyberspace are highlighted. It is shown that at the present stage, Internet, social networks

and digital payment systems users are the main victims of the cybercrime pandemic. Research into cybercrime and other manifestations of deviance should be based on a hybridization of sociological, technological and other knowledge. It is proposed to use the methodological triangulation of empirical methods in combination with computational algorithms and big data analytics in Internet research. The author concludes that ontological and methodological prerequisites for the development of digital deviantology as an integrative sociological science about cybercrime and other manifestations of cyberdeviance have been formed.

Keywords

digitalization, networkization, postmodernity, digital society, cybercrime, cyberdeviance, integrative approach, methodological triangulation, digital sociology, digital criminology, digital deviantology

For citation: Komlev, Yu. Yu. (2022). From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(1), 17–26. doi: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26.

Введение в проблематику исследования

Цифровые технологии, компьютеры, смартфоны и другие «умные» девайсы и «вещи» радикально преобразовали образ жизни и практики людей в условиях турбулентности, рисков и неопределенности социума эпохи постмодерн. Проблематика цифровой и сетевой трансформации, особенно в последние годы, имеет свою специфику, что отражается на положительном и отрицательном контекстах радикальных социальных перемен.

Проводятся многочисленные интернет-исследования, растет количество публикаций и научных конференций на тему цифровизации и кибердевиантности, формируются новые предметные области на стыке наук об обществе, человеке, IT-технологиях. Ответы на пандемийный рост киберпреступлений и других девиаций ищет зарубежная и отечественная наука. Изучение англоязычных и отечественных работ методом качественного контент-анализа, обобщение передового опыта исследований кибердевиантности показывают, что ясно просматривается вектор на интеграцию не только социальных, психологических, юридических, но прежде всего технологических знаний. В исследовательскую практику девиантологов проникают бесконтактные методы и подходы интернет-исследований. Альянс криминологов, девиантологов, математиков и IT-специалистов показывает преимущества методологической триангуляции в сочетании с алгоритмами обработки «big data» при изучении преступности и девиантности в киберпространстве.

Вслед за цифровой социологией все четче определяется понятийный ряд, предметное поле и методология цифровой криминологии как наиболее развитой части девиантологии цифрового мира и других наук, объектом которых является отклоняющееся поведение человека. Непротиворечивый синтез, гибридизация социальных и технологических знаний с математически выверенными оценками, прогнозированием и мониторингом цифровых преступлений ведут к разработке и внедрению новых практик цифрового социального контроля, опирающихся на цифровые технологии и искусственный интеллект, что делает их адекватными вызовам XXI века.

Цифровизация и сетевизация – фундаментальные измерения социума постмодерна: хронология социально-технологических перемен

На связь технологий и социальных сдвигов внимание обращали как классики социологии О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, так и их последователи. В XX веке под влиянием достижений научно-технической революции технологический детерминизм нашел яркое отражение в работах Т. Веблена, У. Ростоу, Д. Бэлла, А. Тоффлера, У. Огборна, Л. Мамфорда, Ж. Эллюля, Е. Масуды, Т. Стоуньера, М. Кастельса.

Как известно, в 1941 году в США была разработана первая электронно-вычислительная машина (ЭВМ) «Марк I». В 1950 году в СССР были созданы автоматическая цифровая вычислительная машина АЦВМ М-1 и малая электронная счетная машина МЭСМ. Изобретение ЭВМ стало величайшим событием XX века, сопоставимым с появлением колеса, письменности или огнестрельного оружия. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению персональных компьютеров.

Что характеризует специфику социально-технологических перемен в мире постмодерна?

Во-первых, к началу XXI века, благодаря техническому и технологическому прогрессу, персональные компьютеры стали доступными для массового потребителя.

Во-вторых, развитие на рубеже веков локальных, связанных между собой вычислительных станций с переходом к протоколам мгновенной передачи текстовых данных стало ключевой предпосылкой для «живого» общения пользователей в режиме реального времени. В 1989 году Тим Бернерс-Ли сформулировал идею компьютерной сети как «всемирной паутины». В рамках своего гипертекстового проекта Бернерс-Ли создал первый веб-сервер и веб-браузер «WorldWideWeb». В 1990-е годы произошло объединение большинства существовавших компьютерных сетей. В итоге технологических решений сложился интернет – как глобальная система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации, объединяющая

по каналам цифровой связи своих пользователей. Интернет стал стремительно обретать популярность за счет того, что его пользователи получили общедоступные и практически неограниченные возможности для создания, обработки, накопления, а также передачи и получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных. Ко второй половине 2010-х годов интернет как глобальный и высокотехнологичный инструмент осуществления связи и коммуникаций, получения информации существенно потеснил «классические» институты массмедиа (телевидение, радио, печать), нарастил свою аудиторию. По открытым данным Digital 2020, количество интернет-пользователей в мире достигло 4,54 миллиарда. В России зарегистрировано 118 миллионов интернет-пользователей (по числу посетителей «мировой паутины» страна на 8-м месте в мире).¹

”

Изобретение ЭВМ стало величайшим событием XX века, сопоставимым с появлением колеса, письменности или огнестрельного оружия. Последовавшее затем стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения привело к появлению персональных компьютеров.

“

Интернет объединяет не только миллионы своих пользователей по всему миру, но и необходимые им цифровые ресурсы, массу «умных вещей» – Internet of Things (IoT). В соответствии с этим трендом любые цифровые медиаплатформы и девайсы работают, обмениваются данными между собой с минимальным участием человека или даже без него.

Интернет-ресурсы предоставляют все больше возможностей не только для поиска и использования ин-

формации, осуществления почтовой переписки, визуального online-общения, но и ведения online-бизнеса, online-шопинга, online-обучения, online-развлечений, online-гражданской активности и других форм человеческой деятельности.

Интернет стал центральным звеном практически всех форм деятельности и социального взаимодействия людей.

В-третьих, использование интернета сочетается с развитием новых цифровых технологий беспроводной связи (4G, 5G-сети), отличающихся быстротой соединения абонентов и высоким качеством передачи данных. Происходит дальнейшая конвергенция — объединение сервисов первого поколения (передачи голоса, данных и видео) с возможностями новых цифровых сервисов на основе нейротехнологий и искусственного интеллекта, алгоритмов обработки «big data», использования интернета «умных вещей».²

В цифровой экономике широко используются не только быстродействующие телекоммуникации интернет вещей, но и промышленный интернет, технологии дополненной и виртуальной реальности, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, новинки робототехники и сенсорики. Наряду с самой заметной работой по цифровизации в сфере экономики она распространяется на другие социально значимые виды деятельности (цифровая медицина, цифровое образование, цифровая безопасность, работа государственных органов и др.). Процесс «перехода на цифру» охватил практически весь социум.

Цифровизацию общества можно определить в социологическом значении как широкомасштабное внедрение цифровых технологий во все сферы социальной реальности – жизни и деятельности человека.

В 2020–2021 годы этот процесс ускоряется из-за пандемии коронавируса. Периодические локдауны стимулируют дальнейшую цифровизацию образовательной системы, медицины, банковского дела, транспортного обслуживания, ряда других отраслей экономики и социальной сферы. Интернет-торговля, сервисы для работы из дома получают еще большее распространение. В 2020 году Россия на 200 % увеличивает затраты на цифровизацию экономики. На Восточном экономическом форуме в сентябре 2021 года эксперты определяют, что по уровню цифровизации страна занимает 27-е место в мире.³

В настоящее время цифровизацией охвачены практически все подсистемы российского социума:

¹ Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite - [Электронный ресурс]. URL:<https://e-libris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/>

² Конвергенция Next Step. часть 1: Как сбываются прогнозы - [Электронный ресурс]. URL:<https://telesputnik.ru/materials/convergence/conv/konvergentsiya-2-0/>

³ Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации - [Электронный ресурс]. URL:<https://ria.ru/20210903/tsifrovizatsiya-1748459672.html>

экономика, управление, транспортное обслуживание и логистика, образование, массмедиа, здравоохранение. В цифровом измерении трансформируется и социальная структура, что выражается в «цифровой стратификации», неравном доступе к цифровым услугам, в различии в цифровых компетенциях. Появление online-банков, online-вузов, online-магазинов, online-поликлиник отразилось и на функционировании социальных институтов. Цифровые технологии все глубже проникают в образ жизни и поведение современного человека, утверждая в повседневной жизни массы людей новые социально-коммуникативные практики и эффекты.

В-четвертых, с 2002 года и по сей день за счет распространения online-платформ в интернете, миниатюризации планшетов, смартфонов, сочетающих функционал компьютера с преимуществами сотовой связи, происходит взрывной рост популярности социальных сетей и в целом социальных медиа. Наибольшую популярность среди пользователей приобретают online-платформы: Facebook, Youtube, WhatsApp, Instagram, Tiktok, Twitte, Вконтакте, Одноклассники. Так, Facebook объединяет 2,5 миллиарда активных пользователей в месяц, Youtube – 2 миллиарда, WhatsApp – 1,6 миллиарда, «Вконтакте» более 300 миллионов, в «Одноклассниках» – 290 млн человек. Численность участников сетевого общения в России составляет 50 % от всего населения страны.

Таким образом, происходит масштабная *сетевизация социума*. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной эпохи и цифровизации. В настоящее же время число сетевых пользователей достигло такого уровня, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и слои социума. В итоге сетевизация привела к образованию и стремительному расширению сетевых online-сообществ.

Пользователи социальных сетей могут посредством включения или исключения из списка контактов себя или других людей автономно его определять или переопределять, устанавливая, поддерживать и развивать социальные связи и взаимодействия. Они вправе самостоятельно создавать веб-ссылки и самостоятельно выбирать и транслировать тот или иной контент. Благодаря этому в социальных сетях происходит интенсивное общение людей, живущих в разных городах и странах, объединенных в группы общими интересами, целями, планами, профессиональными и иными признаками. В сетях удобно презентовать и рекламировать свои идеи, проекты, искать заинтересованную аудиторию, приумножать число сторонников или партнеров по увлечению или бизнесу. Online-платформы создают уникальные условия для самореализации, самообра-

зования, интенсивного обмена новостями, другой актуальной информацией. Таким образом, в социальных сетях происходит индивидуализация их пользователей в плане конструирования собственной автономии, самореализации, самопрезентации, самоорганизации.

Последствия цифровой сетевизации предрек М. Кастельс на исходе XX века, указав, что сети составят новую социальную морфологию социума. В сетевом обществе (*network society*) «ключевые социальные структуры» и деятельность его членов будут «организованы вокруг сетей электронных коммуникаций».

В-пятых, сетевизация ускоряет процесс цифровизации социума. На online-платформах сегодня разворачиваются практически все виды эффективной деятельности и социальной активности в цифровом пространстве — не только персональное дружеское общение, но и бизнес, коммерция, маркетинг, образование, развлечения, обсуждения новостей в сфере отдыха и здоровья, путешествий и социально-политической активности.

”

Цифровые технологии все глубже проникают в образ жизни и поведение современного человека, утверждая в повседневной жизни массы людей новые социально-коммуникативные практики и эффекты.

“

Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой сегодня, по оценке Карен Моссбергер, «социально-технологическую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство». (Mossberger et al, 2008).

Таким образом, в первые десятилетия XXI века интернет, цифровые технологии в области передачи и обработки данных, online-платформы привели к цифровизации и сетевизации общества эпохи постмодерна. Социум приобрел эти новые фундаментальные изменения. Они в значительной мере определяют не только

новую социальную структуру, функционирование социальных институтов, но и новые формы социального взаимодействия и новые социальные практики.

Движение к цифровому обществу – процесс прогрессивный, неотвратимый, но неоднозначный. С одной стороны, он стимулирует позитивные социальные сдвиги. Так, в хозяйственной деятельности: исключается рутинный бумажный документооборот; ускоряются все технологические процессы; повышается производительность труда, прибыль; минимизируются издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров; снижается влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором». К несомненным плюсам цифрового мира относят: практически неограниченные возможности для удаленного общения, для самовыражения и саморазвития личности, для развлечений и обучения при чтении, просмотре и прослушивании контента. Колоссальные возможности он создает для использования рекламы в продвижении бизнеса, организации интернет-торговли и других форм заработка, создания или получения множества цифровых услуг.

Кроме того, цифровой мир разнообразит формы индивидуализации и самореализации цифровых пользователей, лучше обеспечивает права человека на свободу выражения мнений и свободу получения информации. Кастельс прозорливо считал, что с развитием социальных сетей и online-сообществ «дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире».

Однако, с другой стороны, цифровизация и сетевизация создают немало социальных проблем. Социологи и девиантологи обращают внимание на негативные социальные последствия, которые являются следствием очередной технологической революции. Среди них в первую очередь заявляет о себе феномен «цифрового социального неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми (в обладании цифровыми компетенциями), в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. «Цифровое социальное неравенство» служит новым индикатором для обозначения взаимосвязи социального неблагополучия определенных групп общества с отсутствием доступа к цифровым технологиям. Эта проблема актуальна для представителей бедных и малообеспеченных социальных групп, либо людей, живущих в отдаленных регионах, где нет интернета, а также для лиц с ограниченными возможностями.

Кроме того, в цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы и клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди как жертвы массовой безработицы могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым

условиям на рынке труда. Сетевые ресурсы и медиа создаются разработчиками, интересы которых определяются коммерческими и корпоративными императивами, а не пользователями. Отсюда неумное стремление цифровых корпораций к извлечению прибыли в рамках цифровой экономики, что нередко сопряжено с нарушением и даже разрушением социальных норм сомнительным контентом. Перевод личной и конфиденциальной информации в цифровую форму создает невиданную ранее зависимость человека от того, кем, как и где хранятся, используются его данные.

От преступлений против компьютеров к преступлениям против пользователей интернета и социальных сетей, цифровых платежных систем

Переход в цифровой мир создал невиданные ранее технологические возможности и условия для развития криминальных форм девиантности. Киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей. В обзоре австралийских криминологов (Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон) структурирован ряд наиболее общественно опасных киберпреступлений. Среди них:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и / или «вредоносных программ, вирусов»;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве.

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических, глобальных рисков в контексте финансового ущерба от кибератак, который исчисляется триллионами долларов. Причем эти оценки весьма условны, поскольку не отражают в полной мере положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций избежать репутационных потерь. Среди новых проявлений кибердевиантности, обусловленных сетевизацией, следует выделить такие:

- сетевая зависимость с утратой навыков реального общения;
- бегство от действительности (искейперство);
- киберлудомания;

- виртуальные сексуальные домогательства и насилие;
- компьютерная педофилия;
- запугивание и киберпреследование;
- интернет-торговля наркотиками;
- пропаганда ненависти и распространение экстремистских идей.

Сетевизация породила и новые формы кибервиктимизации. Многие молодые люди, беспечно размещая и пересылая в социальных сетях личную информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Например, серверы «Facebook» каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации.

По мере роста online-сообществ быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы, где похищаются и продаются личные данные пользователей и клиентов, различных, чаще всего банковских сервисов. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как обладатели электронных кошельков и платежных карт, а также подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства, участвующие в сетевом общении.

С начала 1990-х годов социологи все чаще задаются вопросами о том, как интернет и новые способы высокотехнологичной коммуникации влияют на общество, на жизнь и социальные практики людей. Количество социологических исследований в области «цифрового сдвига» нарастает в начале нового столетия, о чем свидетельствуют научные публикации и конференции. Чем больше используются людьми интернет-технологии, тем большее значение приобретают социологические исследования социально-цифровых феноменов. Нейл Селвин, выражая позицию цифровых социологов, полагает, что «современное общество лучше понимать как сплетение человечности, материальности и дигитальности».

Цифровые реалии в жизни социума постмодерна оказали глубокое влияние на многие аспекты социальной жизни, социальные институты и социальные структуры, потребовали их осмысления на всех уровнях социологического анализа (макро, мезо, микро), что изменило и саму социологию, способствовало быстрому развитию цифровой науки об обществе. В 2009 году в англоязычном дискурсе в научный оборот вводится термин «digital sociology» («цифровая социология»). К настоящему времени трудами «цифровых социологов» (в их числе Нх. Маррес, С. Хэлфорд, Х. Кеннеди, К. Ортон-Джонсон, К. Грегори, Д. Дэниэлс, Т. Стэмм, Т. Макмиллан Коттом, Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон, М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон, О. В. Крыштановская, М. В. Кобакин, С. А. Гришаева, В. Ф. Ницевич, А. П. Климович, Д. Е. Добринская, М. М. Назаров,

А. В. Смирнов, А. А. Деревянченко, Т. Ф. Кузнецова и многие др.) анализируются феноменология «цифрового общества», социальные эффекты и проблемы цифрового мира, создаваемые интернетом, популярными социальными сетями и медиа. В 2019 году в России начал издаваться журнал «Цифровая социология».

Примечательно, что в интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории массмедиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Они существенно раздвигают границы социологического изучения цифровых реалий в жизни социума, в том числе цифровых парадоксов и цифровой девиантности. Многие интернет-исследования наряду с проблематикой социального неравенства затрагивают вопросы девиантизации и виктимизации интернет-пользователей.

Дэбора Лаптон – один из ярких исследователей интернета – в структуре цифровой социологии выделяет цифровые практики, состоящие в использовании цифровых инструментов для создания платформ, социальных сетей, электронных портфолио, онлайн-профилей. Она критически анализирует использование цифровых технологий, показывает роль социальных сетей и медиа в создании или воспроизводстве социальных институтов и структур, обобщает методы сбора цифровых данных в интернет-исследованиях. Лаптон обращает внимание на ключевую роль цифровых технологий как в контексте воспроизводства цифрового неравенства, так и кибердевиантности, совершения киберпреступлений, цифровой виктимизации. Кроме того, для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Среди них: изучение online-сообществ, представителей маргинальных групп, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистов и групп ненависти.

Судя по содержанию публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший интерес зарубежные и отечественные исследователи проявляют к изучению старых и новых форм киберпреступности, специфики социального контроля над их проявлениями, а также методам исследования. На основании материалов контент-анализа можно сделать ряд обобщений.

Во-первых, на начальном этапе цифровизации – в первые годы XXI века – интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был обращен преимущественно к *киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров*. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов. Объяснительные модели преступлений,

«сфокусированных на компьютере», в этот период опираются на положения традиционных модернистских теорий преступности и соответствующие им методы так, как это было, например, при изучении обычных «уличных» краж. Область знаний по изучению компьютерных преступлений в зарубежных публикациях в этот период чаще всего именуется «*компьютерной криминологией*». Сложившуюся ситуацию в предметном поле нового научного направления хорошо отражает метафора, предложенная П. Грабоски – «старое вино в новых бутылках».

”

**Киберпреступления
и другие цифровые девиации
в новейший период
чрезвычайно латентны,
разнообразны, носят
трансграничный характер.**

“

Во-вторых, на последующих этапах цифровизации с развитием сетевизации, когда невероятно возросла популярность online-платформ и выросла численность сетевых online-сообществ, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения киберпреступлений в отношении пользователей сетевых ресурсов, цифровых услуг платежных систем. Типичным способом кибератак стали рассылки фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет- и сетевым пользователям с целью войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество.

Наряду с корыстной киберпреступностью в поле зрения исследователей вошли весьма опасные проявления кибердевиантности. Они включают: online-сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-торговлю людьми и секс-туризм

(Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), кибертерроризм и распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.).

В-третьих, с 2020 года преступники в целях обогащения стали использовать сложную ситуацию в мире с пандемией ковида. Они распространяют от имени авторитетных медицинских организаций рекомендации по лечению и профилактике болезни, предлагая пользователям перейти по ссылкам на вредоносные сайты, где и выманивают личную информацию и данные платежных карт у своих жертв. Для похищения конфиденциальной информации частных лиц преступники стали использовать программы, которые маскируются под популярные сервисы, например, такие, как Zoom. Возросло число фиксируемых инцидентов, связанных с неприкосновенностью частной жизни, киберпреследованиями, распространением киберпорнографии, мошенничеством путем вовлечения женщин в романтические аферы.

В-четвертых, киберпреступность развивается по пандемийной траектории. Число киберпреступлений по итогам 2020 года увеличилось на 73,4 %. Эксперты МВД России свидетельствуют, что доля регистрируемых преступлений, совершаемых в интернете или в компьютерной сфере, постоянно растет и в настоящее время превышает 25 % от общего числа всех преступлений.⁴ Киберпреступления и другие цифровые девиации в новейший период чрезвычайно латентны, разнообразны, носят трансграничный характер. Они в большей степени направлены *не на компьютер, а на человека – пользователя Интернета, социальных сетей, коммуникативных технологий и цифровых платежных систем*. Преступников интересуют реквизиты банковских счетов, пластиковых карт своих жертв. По оценкам отечественных исследователей из Академии управления МВД России, 80 % зарегистрированных киберпреступлений совершаются против собственности – «в основном это кражи и мошенничество». (Ищук и др., 2021). По данным органов прокуратуры, в 2019 году две трети киберпреступлений составляли мошенничества (40 %) и кражи (24 %) с применением платежных систем или интернета. Из них 12 % непосредственно связаны с пластиковыми картами, около 40 % совершены с применением средств мобильной связи, 5,5 % – с использованием электронных средств платежа. При этом отмечается, что половина задержанных за киберпреступления совершали их и ранее.⁵

⁴ Соловьева, О. Доля цифрового криминала в России превысила 25%. – [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2021-08-03/1_8215_economics2.html

⁵ Генпрокуратура предлагает подумать о создании центра по сбору данных о киберпреступности - [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7983073>

К цифровой криминологии и девиантологии

Приоритетом в развитии социальных наук последних лет стали полипарадигмальность, теоретический синтез, интегративность, стирающие или перестраивающие межпредметные границы, что особенно заметно в зарубежной девиантологии и криминологии (Ш. Браун, М. Яр, К. Хейворд, Г. Барак, Г. Страттон и др.). Закономерный спрос на интегративный подход, междисциплинарные исследования преступности с использованием возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических принципов отмечают и отечественные криминологи (Т. М. Судакова, В. А. Номоконов).

Судя по публикациям, материалам конференций последних лет область знаний по изучению преступлений в цифровом мире как зарубежными, так и отечественными исследователями чаще всего именуется «цифровой криминологией». В трудах цифровых криминологов широко используются идеи гибридизации социологических, психологических, криминологических и технологических знаний для исследования киберпреступности и других проявлений девиантности. Например, гибридизированный подход, обозначенный Ш. Браун, позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы. Теоретики цифровой трансформации социума и высокотехнологичной преступности Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон процесс цифровизации интерпретируют как совмещение цифрового и социального, а кибердевиантность как техносциальные практики в цифровом мире. Осмысление кибердевиантности и киберпреступности в контексте новой цифровой социальной реальности находит отражение в работах российских исследователей. О кибердевиантности и киберпреступности как порождении виртуализации и «цифровизации» жизнедеятельности пишет Я. И. Гилинский. М. В. Костоломова рассматривает цифровые девиации как «совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия». (Костоломова, 2020). Ряд основательных работ в предметном поле цифровой криминологии подготовлены В. С. Овчинским, Я. И. Гилинским, Я. Г. Ищуком, Т. В. Пинкевич, Е. С. Смольяниновым, В. А. Номоконовым, А. П. Суходоловым, М. А. Калужиной, Б. А. Спасенниковым, В. С. Колодиным, С. В. Максимовым, Ю. Г. Васиным и другими авторами. Самый существенный внос в развитие отечественной цифровой криминологии

сделан трудами В. С. Овчинского. Он первым обосновал и структурировал цифровую криминологию как самостоятельную науку, проанализировал киберпреступность, кибертерроризм, киберэкстремизм и другие девиации цифрового мира, предложил пути их профилактики, противодействия, в том числе средствами цифрового социального контроля. Работ, посвященных цифровой девиантологии, еще немного, поскольку эта область социологического знания лишь формируется, не утвердилась. В аналогичном положении оказались цифровая культурология, цифровая антропология, где как пишет Д. Лаптон, пересекаются предметные поля, понятия, подходы, исследовательские темы и методы, характерные для всех социальных наук.

Цифровая девиантология может рассматриваться как органичная часть цифровой социологии, которая к настоящему времени накопила ценный опыт бесконтактных интернет-опросов, необходимых для использования в целевых группах преступников, экстремистов, наркопотребителей, проституток, представителей сексуальных меньшинств и других девиантов, то есть среди тех, кто не идет на общение с исследователями лицом к лицу. Эмпириками для изучения цифровых девиаций широко используется анализ нарративов в сетевых дискурсах и другие качественные методики. Наряду с количественными и качественными социологическими методами в интернет-исследованиях к сбору и обработке цифровой информации исследователи «подключают» математические методы, знания IT-специалистов, вычислительные алгоритмы и аналитику «big data». В структуре таких данных могут быть сведения о наличии судимости, административных правонарушений, нахождении в розыске, информация об участии в различных сообществах и другие структурированные и неструктурированные материалы из официальных и неофициальных источников, в том числе социальных сетей. Так, например, поступают британские криминологи М. Уильямс и П. Бернап, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность.

Следовательно, в последние годы усилиями зарубежных и отечественных исследователей проясняется и уточняется предметное поле и методология цифровой девиантологии как интегративной социологической науки о киберпреступности и других проявлениях кибердевиантности. В теоретико-методологический фрейм цифровой девиантологии легко включаются понятия и непротиворечивые положения из цифровой социологии, цифровой криминологии, культурологии, психологии, теории массмедиа, юриспруденции и других наук, в том числе математических, а также методологические приемы и алгоритмы, позволяющие собирать и обрабатывать формализованные и неформализованные данные из цифровых источников. Развитие цифровой девиантологии – закономерный

результат прогресса в цифровой социологии и криминологии, в других областях знания о цифровом социуме и цифровых технологиях.

Выводы и предложения

Указанные выше тренды в развитии цифровизации, сетевизации социума, киберпреступности и других проявлений кибердевиантности типичны для высокотехнологичных обществ на этапе постмодерна. Эти вызовы создают стимулы для изучения и критического осмысления в рамках цифровой социологии цифровых технологий и феноменов, социальных последствий и проблем, которые они порождают. Однако любого человека, сообщество в целом и государство все больше тревожит рост киберпреступности и кибердевиантности. Социальный заказ для ответа на новые цифровые вызовы, на новое знание сложился. Со своей стороны он запускает развитие девиантологии, которое идет по траектории, аналогичной развитию цифровой социологии и других цифровых дисциплин, с интенсивной интеграцией социальных, технологических и других знаний о цифровизации социума, преступлениях и девиациях цифрового мира. Происходит разработка девиантологических понятий, описание киберфеноменов девиантности прежде всего в рамках цифровой криминологии. Расширяется пул методов эмпирических исследований. Использование методологической триангуляции в интернет-исследованиях в сочетании с вычислительными методами – надежный путь для оценки, описания и детерминации цифровых девиаций, построения прогностических моделей.

Девиантологическое изучение киберпреступности и кибердевиантности позволяет диалектично моделировать причины и следствия, оценивать и анализировать формы, специфику и тренды многообразной девиантной активности в цифровом обществе. На интегративном теоретико-методологическом фундаменте возникает реальная возможность предвидеть время и место совершения киберпреступлений с помощью аналитики «big data» и эвристического потенциала алгоритмов искусственного интеллекта. Эта девиантологическая информация имеет не только научную, но и практическую ценность, поскольку позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. За многомерной оценкой, математически выверенным прогнозированием и мониторингом цифровых преступлений следует и выработка новых правовых форм, эффективных практик цифрового социального контроля, адекватных новой социально-технологической реальности.

Таким образом, краткий обзор социально-технологических сдвигов цифровой трансформации социума с нарастанием его девиантизации, а также интернет-исследований киберпреступности и других проявлений цифровой девиантности показывает, что сложились онтологические, социальные и методологические предпосылки для развития цифровой девиантологии – науки, которая создает интегративную основу дальнейших исследований многообразных проявлений девиантности и социального контроля в цифровом мире. И это лишь начало движения, к которому приглашаются новые, молодые силы, готовые дерзать и проводить исследования в поиске цифровых девиантологических знаний.

Список литературы

- Гилинский, Я. И. (2020). Цифровой мир и право. *Правовое государство: теория и практика*, 4(62), 22-27.
- Ищук, Я. Г., Пинкевич, Т. В., Смольянинов, Е. С. (2021). *Цифровая криминология: учебное пособие*. Москва: Академия управления МВД России.
- Кастельс, М. (2004). *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе* (пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов). Екатеринбург: У-Фактория.
- Кастельс, М. (2020). *Власть коммуникации: учебное пособие* (3-е изд., пер. с англ. Н. М. Тылевич, А. А. Архипова; под ред. А. И. Черных). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Комлев, Ю. Ю. (2020). Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 1 (39), 31–40.
- Комлев, Ю. Ю. (2021). От цифровизации и сетевизации к цифровому гражданству и цифровому гражданскому обществу. В В. В. Балахонский, А. Г. Никулин (ред.) *Актуальные проблемы взаимодействия государства и гражданского общества: философско-правовые и социально-политические аспекты: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 26 мая 2021 года, стр. 335-346). Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Комлев, Ю. Ю. (2019). *Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие* (2-е изд., доп. и перераб.) Москва: ДГСК МВД России.
- Костоломова, М. В. (2020). Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия. *Социологическая наука и социальная практика*, (2), 41-53.
- Овчинский, В. С. (2018). *Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры*. Москва: Норма ИНФРА.
- Судакова, Т. М., Номоконов, В. А. (2018). Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций. *Всероссийский криминологический журнал*, (4), 531–540.

- Lupton, D. (2012). *Digital Sociology: An Introduction*. Sydney: University of Sydney.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J., McNeal, R. S. (2008). *Digital Citizenship The Internet, Society and Participation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Stratton, G., Powell, A., Cameron, R. (2017). Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 6(2), 17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev
- Selwyn, N., Nemorin, S., Bulfin, S., Johnson, N. (2016). Toward a digital sociology of school. In J. Daniels, K. Gregory, T. McMillan Cottom (eds) *Digital sociologies*. Bristol, Policy Press.
- Williams, Matthew L., Burnap, P. (2016). Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data. *The British Journal of Criminology*, 56(2), 211-238. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059>

References

- Gilinskij, Ya. I. (2020). Cifrovoj mir i pravo. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 4(62), 22-27.
- Ishchuk, Ya. G., Pinkevich, T. V., Smol'yaninov, E. S. (2021). *Cifrovaya kriminologiya: uchebnoe posobie*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii.
- Kastel's, M. (2004). *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* (per. s angl. A. Matveeva; pod red. V. Haritonova). Yekaterinburg: U-Faktoriya.
- Kastel's, M. (2020). *Vlast' kommunikacii: uchebnoe posobie* (3-e izd., per. s angl. N. M. Tylevich, A. A. Arhipova; pod red. A. I. Chernyh). Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Komlev, Yu. Yu. (2020). Cifrovizaciya, setevizaciya obshchestva postmoderna i razvitie cifrovoj kriminologii i deviantologii. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 1 (39), 31–40.
- Komlev, Yu. Yu. (2021). Ot cifrovizacii i setevizacii k cifrovomu grazhdanstvu i cifrovomu grazhdanskomu obshchestvu. V V. V. Balahonskij, A. G. Nikulin (red.) *Aktual'nye problemy vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: filosofsko-pravovye i social'no-politicheskie aspekty: sbornik statej po materialam vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 26 maya 2021 goda, str. 335-346). Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Komlev, Yu. Yu. (2019). *Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskij ocherk: uchebnoe posobie* (2-e izd., dop. i pererab.) Moscow: DGSK MVD Rossii.
- Kostolomova, M. V. (2020). Cifrovaya deviaciya kak fenomen novoj social'noj real'nosti: metodologicheskie osnovaniya i konceptualizaciya ponyatiya. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, (2), 41-53.
- Ovchinskij, V. S. (2018). *Kriminologiya cifrovogo mira: uchebnik dlya magistratury*. Moscow: Norma INFRA.
- Sudakova, T. M., Nomokonov, V. A. (2018). Osmyslenie budushchego kriminologii: obzor sovremennyh tendencij. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, (4), 531–540.
- Lupton, D. (2012). *Digital Sociology: An Introduction*. Sydney: University of Sydney.
- Mossberger, K., Tolbert, C. J. McNeal, R. S. (2008). *Digital Citizenship The Internet, Society and Participation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Stratton, G., Powell, A., Cameron, R. (2017). Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology'. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 6(2), 17-33. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev
- Selwyn, N., Nemorin, S., Bulfin, S., Johnson, N. (2016). Toward a digital sociology of school. In J. Daniels, K. Gregory, T. McMillan Cottom (eds) *Digital sociologies*. Bristol, Policy Press.
- Williams, Matthew L., Burnap, P. (2016). Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data. *The British Journal of Criminology*, 56(2), 211-238. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059>

Информация об авторе:

Комлев Юрий Юрьевич – профессор кафедры филологии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, доктор социологических наук, профессор.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10.12.2021

Одобрена после рецензирования 14.01.2022

Опубликована 29.04.2022

About the author:

Yuri Yu. Komlev – Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sociological Sciences, Professor.

The author declare no conflicts of interests.

Submitted December 10, 2021

Approved after reviewing January 14, 2022

Accepted April 29, 2022